

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.11.2021

Accepted: 20.06.2022

THE PARTICIPIAL CLAUSE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article examines the structure of the participle clause, in which the participle precedes the subject, with the actant or subordinate clause related to the participle placed in postposition. The study aims to reveal grammatical indicators of the participle predicativity, to determine the dynamics of the use of the clause under consideration, its stylistic peculiarities and the reasons for its loss in the Russian language. The application of comparative-historical and comparative-typological methods has enabled the author to prove the higher degree of predicative power of prepositive participles in comparison with the postpositive ones. The grammatical indicators of the participle predicativity have been established. They are expressed in word order, agreement of the participle and the subject in meaning, separation of the participial clause from the verbal part of the sentence with a dot or their connection by means of coordinating conjunction. The participial clause structural diversity has been studied and the development of absolute participle clauses on its basis has been revealed. The dynamics of its use in different periods of the history of the Russian language has been investigated. The frequency of its use has been ascertained in the written records of various genres dating back to the 11th – 17th centuries. The analysis of the texts originating from the 18th century has shown the dynamics of participial clause use in different periods of the history of the Russian language, which indicates the reference of such participial constructions to the bookish style.

Key words: secondary predicate, peripheral predicate, actant, gerund, appositive participle, main predicate, participial clause, history of the Russian language.

Citation. Kunavin B.V. The Participial Clause in the History of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 76-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.11.2021

Дата принятия статьи: 20.06.2022

ПРИЧАСТНАЯ КЛАУЗА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты изучения структуры причастной клаузы, в которой причастие стоит перед подлежащим, а после него следует актант или придаточное предложение, относящиеся к причастию. Цель исследования заключается в определении грамматических индикаторов предикативности причастия, динамики употребления анализируемой клаузы, ее стилистической маркированности и причин утраты в русском языке. С применением сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического

методов доказана более высокая степень предикативной силы препозитивных причастий в сравнении с постпозитивными. Установлены грамматические индикаторы предикативности причастия, которые выражаются в порядке слов, согласовании по смыслу причастия и подлежащего, отделении точкой причастной клаузы от глагольной части предложения или их соединении посредством сочинительного союза. Выявлено структурное многообразие рассматриваемой причастной клаузы, и охарактеризованы пути развития на ее основе абсолютных причастных клауз. Сделан вывод о частотности употребления причастной клаузы в разножанровых памятниках письменности XI–XVII веков. С привлечением текстов XVIII в. показана динамика использования исследуемых причастных клауз в различные периоды истории русского языка, свидетельствующая о тяготении таких причастных конструкций к книжному стилю.

Ключевые слова: второстепенное сказуемое, периферийный предикат, актант, герундий, аппозитивное причастие, главный предикат, причастная клауза, история русского языка.

Цитирование. Кунавин Б. В. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 76–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

Введение

Причастия в древнерусском языке отличались высокой степенью употребительности, что было обусловлено их необычайной синтаксической подвижностью, выражавшейся в многообразии функций. Особенно активны были именные действительные причастия в именительном падеже, находящиеся на одной синтаксической линии с глаголом-сказуемым в составе предложения.

Отмечая высокую предикативную силу именных действительных причастий в древнерусском языке, исследователи со времен А.А. Потебни указывают на их функционирование в качестве единственного предиката в составе *nominativus absolutus*, *dativus absolutus*, *genitivus absolutus*, придаточной части сложноподчиненного предложения [Кунавин, 2008].

Однако вне внимания многих ученых оставалась структурная перестройка конструкций с причастием, ярко свидетельствующая о его функциональных преобразованиях на пути перехода в деепричастие. Данным фактом в значительной мере обусловлена актуальность настоящего исследования.

Актуальность исследования клаузы с причастием в вершине заключается также в ее существенности для доказательства высокой предикативной силы древнерусского именного действительного причастия, поскольку она использовалась в односубъектных оборотах и ее невозможно истолковать иначе как оригинальную. Другие конструкции, отражающие высокую предикативную силу причастия (*nominativus absolutus*, обороты типа

въставъ и рече), многими исследователями не признаются самотождественными.

Важность ее изучения обусловлена тем, что она характеризовалась выраженной предикативностью в границах односубъектной конструкции, имея для этого собственные грамматические показатели, с которыми невозможно не согласиться.

Дело в том, что, например, именительные самостоятельные обороты некоторые исследователи, находясь под впечатлением современного языкового восприятия, определяли либо как именные предложения [Růžička, 1963; Zubaty, 1954; и др.], либо как анаколуфы без соответствующего глагольного сказуемого [Кудрявский, 1916], либо как обороты с опущенной связкой [Никифоров, 1952], либо как квазисамостоятельные [Ferrand, 1976], а союз между причастием и глаголом считали либо ошибкой писца [Miklošič, 1883], либо частицей [Kurz, 1958].

Недостаточная изученность истории именных действительных причастий не позволяет адекватно описать особенности синтаксического употребления деепричастий в современном русском языке. К настоящему времени, несмотря на значительное количество работ, посвященных деепричастию [Абдулхакова, 2007; Бахаева, Хабусиева, 2018; Безроднова, 2009а; Кудрявцева, 2012; Чупашева, 2008; Haspelmath, 1995], остается множество неразрешенных проблем. Не определен грамматический статус деепричастия, противоречиво характеризуется его связь с глаголом-сказуемым и подлежащим, остается дискуссионным вопрос о синтаксической роли де-

епричастий, не решена проблема нормативности ряда конструкций с деепричастием и др.

Цель статьи заключается в выявлении грамматических индикаторов предикативности причастия, в определении динамики употребления анализируемой клаузы, ее стилистической маркированности и причин утраты.

Материал и методы исследования

В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический, трансформационный, а также прием количественной характеристики.

Материалом исследования послужила личная картотека автора, содержащая около 300 фрагментов текстов с причастными клаузами. Языковые факты извлечены методом сплошной выборки из разнообразных произведений, относящихся к XI–XVII векам.

Результаты и обсуждение

Многие исследователи древнерусских причастий касались проблемы порядка слов в аспекте выявления степени их предикативности.

Предикативность причастий выражается в терминах «апозитивное причастие» и «второстепенное сказуемое». Впервые термин «апозитивное причастие» был употреблен Г. Курциусом по отношению к греческому причастию. Он полагал, что апозитивное причастие в сравнении с атрибутивным обладает большей предикативной силой [Curtius, 1870, S. 201]. Затем данный термин в отношении к древнерусскому причастию начал использовать А.А. Потебня [Потебня, 1958, с. 489]. При определенных условиях апозитивными могут быть, согласно мнению А.А. Потебни, также прилагательные и существительные [Потебня, 1958, с. 109]. Вместе с тем, стремясь подчеркнуть большую предикативную силу причастия в сравнении с существительными и прилагательными, автор начинает употреблять по отношению к нему термин «второстепенное сказуемое», которым именуется и синтаксическую функцию инфинитива [Потебня, 1958, с. 373–375]. Термин «апозитивный» используется также для обозна-

чения сочетания приложения с определяемым словом [Корнилов, 2008; Малахов, 2008].

Особая предикативная сила причастия в древнерусском языке выражалась в использовании причастной связки в сочетании с именными предикативами, в соединении причастия с глаголом в спрягаемой форме союзом *и*, в функционировании причастного сказуемого в именительных самостоятельных оборотах и, как их разновидности, в придаточной части сложноподчиненного предложения [Потебня, 1958, с. 185, 208]. В сравнении со своим предшественником «деепричастие, напротив, является достаточно узкоспециальной грамматической формой» [Гращенков, 2014, с. 35], в отличие, например, от английского герундия, характеризующегося большим функциональным разнообразием [Cornilescu, 2004; Pires, 2001; Reuland, 1983].

В дальнейшем приведенные аргументы А.А. Потебни были дополнены Е.С. Истриной, указавшей на отделение причастной клаузы точкой от остальной части предложения, а также на согласование причастия по смыслу с подлежащим, что свидетельствует о ее автономном по отношению к глаголу-сказуемому характере. Е.С. Истрина отказывается от термина «апозитивное причастие» и использует лишь термин «второстепенное сказуемое», отрицая полное подчинение такого сказуемого главному предикату [Истрина, 1919, с. 80]. Данная точка зрения была принята многими исследователями (см., например: [Абдулхакова, 2007; Ružička, 1963; Večerka, 1959; и др.]).

Однако спорным представляется суждение Е.С. Истриной о том, что причастное действие в семантическом плане является второстепенным относительно действия главного сказуемого, хотя и было поддержано исследователями [Абдулхакова, 2007; Гращенков, 2014; и др.]. Данное суждение оспаривал Р. Ружичка, заменив термин «второстепенное сказуемое» термином «периферийный предикат». Согласно его мнению, периферийный предикат отличается от центрального своей грамматической (не семантической) зависимостью, которая проявляется в его устремленности к центральному предикату. Предикация центрального предиката носит закрытый характер, а предикация

периферийного предиката характеризуется как открытая и требует закрытия глагольным сказуемым. Периферийный предикат отличается от второстепенного члена предложения тем, что он грамматически не подчиняется главному сказуемому так, как ему подчиняется обстоятельство в современном русском языке [Růžička, 1963, S. 20].

Следуя отечественной традиции, мы предпочитаем термин «второстепенное сказуемое», под которым понимаем грамматическую зависимость от глагольного сказуемого.

Итак, в древнерусском языке была трехступенчатая градация членов предложения: главные члены предложения – второстепенное сказуемое – второстепенные члены предложения. Второстепенное сказуемое выражало предикативность через посредство главного сказуемого, без которого не могло выражать ни времени, ни лица, ни модальности [Истрина, 1919, с. 83].

Впрочем, ставить точку в данном вопросе еще рано, ибо некоторые исследователи пытались отождествить причастный предикат в определенных конструкциях с главным сказуемым [Руднев, 1959, с. 83–84; Růžička, 1963, S. 226; Večerka, 1959, s. 38], а также с деепричастием [Ferrand, 1983].

По месту относительно главного сказуемого причастия подразделяются на препозитивные и постпозитивные. Впервые подобное деление осуществила Е.С. Истрина. Выражение «постпозитивное причастие» встречается уже у А.А. Потебни [Потебня, 1958, с. 198], однако их обоснованного деления на препозитивные и постпозитивные по приведенному выше основанию у него нет.

Деление причастий на препозитивные и постпозитивные было вызвано различиями в их предикативной силе, то есть степень предикативности причастия тесно увязывалась с порядком слов [Истрина, 1919, с. 84]. Было отмечено, что у препозитивного причастия степень предикативности выше, нежели у постпозитивного. Данная точка зрения возобладала во многих дальнейших исследованиях.

Покажем указанное различие на примере следующей конструкции:

(1) Кудесникъ же **вставъ**, рече новгородцю (ПЛДР, вып. 1, с. 32).

В приведенном контексте находящееся в препозиции второстепенное сказуемое *вставъ* открывает предикацию предложения и нуждается в ее закрытии главным сказуемым в финитной форме. Конструкция делится на две клаузы: зависимую с второстепенным сказуемым и самостоятельную с главным предикатом. Ср.: *Кудесникъ же вставъ / рече новгородцю*. Если же второстепенное сказуемое переместить в постпозицию, то его предикативная сила ослабевает. Ср.: *Кудесникъ же рече, вставъ, новгородцю*. При подобном перемещении стоящее в препозиции к причастному предикату главное сказуемое непосредственно закрывает предикацию предложения, а второстепенное сказуемое выражает лишь дополнительный предикативный признак, значительно ослабленный за счет изменения своей позиции в высказывании.

Таким образом, в препозиции психологическая роль второстепенного сказуемого существеннее, чем в постпозиции (то есть выраженное им представление занимает второе место после подлежащего по порядку появления в сознании, а при обратном порядке слов – первое), поскольку в последнем случае выражаемое причастием действие отступает на далекую периферию предикации [Kuehner, 1904, S. 98; Růžička, 1963, S. 172].

Помимо указанного психологического критерия, свидетельствующего о большей предикативной силе препозитивного второстепенного сказуемого, чем постпозитивного, есть и чисто грамматические показатели. Во-первых, препозитивное причастие намного чаще, чем постпозитивное, соединяется сочинительным союзом с финитным глаголом в роли главного сказуемого. Во-вторых, именно препозитивное причастие употребляется в конструкции с порядком слов, характерным для оборотов с финитным глаголом. При таком порядке слов второстепенное сказуемое предшествует подлежащему, а после подлежащего стоит второстепенный член или придаточное предложение, относящееся к этому второстепенному сказуемому, вследствие чего оно отрывается от главного сказуемого и обретает большую самостоятельность, имея непосредственную связь с подлежащим. Ср.:

(2) Услышав же Девгений мольбы Стратиговы, возвратись в дом Стратигов (ПЛДР, вып. 3, с. 56).

Данная точка зрения не представляется единственной. Некоторые исследователи полагают, что, наоборот, препозитивное второстепенное сказуемое обладает меньшей предикативной силой в сравнении с постпозитивным, но при этом не приводится никаких доводов [Никифоров, 1952, с. 247; Шатух, 1958, с. 198]. В этой связи сказанное Д.Н. Овсяннико-Куликовским и поддержанное В.В. Виноградовым относительно современных деепричастий вполне актуально и для древнерусских именных действительных причастий в именительном падеже. Д.Н. Овсяннико-Куликовский справедливо подчеркивал, что стоящие в препозиции к сказуемому-глаголу деепричастия обладают большой глагольностью, а в постпозитивном положении их глагольность понижается и они легче поддаются адвербиализации [Виноградов, 1972, с. 310]. С логической точки зрения невозможно ставить степень предикативности в зависимость от позиции предикативного члена в предложении, а в психологическом аспекте, в плане актуального членения подобная зависимость несомненна, тем более если она подкрепляется грамматическими показателями.

Целесообразность деления второстепенных сказуемых на препозитивные и постпозитивные обусловлена также и тем, что с позицией в определенной мере связаны особенности выражения ими таксисных отношений. «Так, препозитивные причастия прошедшего времени обычно обозначают действие, предшествующее действию главного сказуемого или реже – одновременные с ним, но никогда не могут обозначать последующее действие. Постпозитивные же причастия могут обозначать как предшествующее и одновременное, так и последующее действие» [Кунавин, 1993, с. 31] (об этом см. также: [Безроднова, 2009б; Зорихина-Нильссон, 2014; Семенова, 2002]).

Как уже было показано выше, наиболее очевидно предикативная сила второстепенного сказуемого проявляется при таком порядке слов, когда второстепенный член предложения или придаточное предложение, относящиеся к второстепенному сказуемому, расположены после подлежащего, а само второстепенное сказуемое предшествует подлежащему. Наиболее часто указанный второстепенный член предложения представляет собой

актант в виде косвенного или прямого дополнения, например:

(3) **Прием же блаженный священный сан**, большее смирение приат (ПЛДР, вып. 3, с. 74).

Иногда к второстепенному сказуемому относятся несколько однородных дополнений, в результате чего степень самостоятельности второстепенного сказуемого еще более увеличивается. Ср.:

(4) **И помолився** преподобный **Варлаамъ** господу **богу** и пречистѣй **богородицы** и **всѣмъ** святымъ, вниде во гробъ свой (ПЛДР, вып. 6, с. 420).

Примечательны примеры, в которых дополнение, относящееся к второстепенному сказуемому, располагается, как обычно, после подлежащего, а относящееся к нему определение стоит перед второстепенным сказуемым. Ср.:

(5) **Его же убоивься Святополкъ встания** на ся, скоро възврати съ чстью игумена в Печерский монастырь (ПЛДР, вып. 2, с. 560).

Такие обороты с обстоятельством, относящиеся к второстепенному сказуемому, в древнерусских текстах на протяжении всей многовековой истории русского языка довольно редки. Ср.:

(6) **И посѣдвь Давыд мало**, рече... (ПЛДР, вып. 1, с. 250);

(7) **И вышедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ**, перея власть его (ПЛДР, вып. 1, с. 88).

Данные обороты важно отличать от таких, в которых в позиции после подлежащего стоит элемент, являющийся частью единого второстепенного сказуемого, то есть образует с ним одно семантическое целое. Ср.:

(8) **Быв же Адам лет 200 и 30** роди Сифа и 2 дщери (ПЛДР, вып. 1, с. 104).

Иногда в анализируемых материалах встречаются такие конструкции, в которых исследуемый оборот речи разделен с главным сказуемым каким-либо синтаксическим построением, обычно придаточным предложением, например:

(9) **Видѣвъ же** благовѣрный князь **Георгий** **изведение** пресвятыя богородицы, **гдѣ** сама изво-

лила место себѣ, повелѣ построити на том мѣстѣ монастырь (ПЛДР, вып. 3, с. 214).

В приведенном предложении по причине далекого разделения второстепенного сказуемого с главным степень предикативности первого усиливается.

Анализируемая конструкция с местоименной формой причастия встретила лишь однажды. Такое употребление обусловлено воздействием аналогии со стороны соответствующей именной формы. Ср.:

(10) ...**Завидий** же **диаволь спасению** всѣх, облазивъ его... (ПЛДР, вып. 7, с. 66).

Данное синтаксическое построение встретилось в различных повествовательных жанрах, в том числе в посланиях и даже в грамотах, например:

(11) И **пришедши** (жен. р. вместо муж. – Б. К.) под Соколь **воевода** твой виленской **со многими людьми**, город Соколь новымъ умышлениемъ зжегъ (ПЛДР, вып. 8, с. 188).

Данные памятников письменности разных периодов показывают, что указанная причастная клауза использовалась нечасто, причем обычно в начале предложения. Подобные синтаксические построения в середине предложения, как правило сложного, встречаются необычайно редко. Ср.:

(12) И изволениемъ божиимъ наплыль на него корабль муринской земли, и **видя карабельник человека** утопшаго, взялъ его из моря к себѣ на корабль (ПЛДР, вып. 10, с. 349).

В приводимом ниже примере (13) анализируемой клаузе предшествует дательный самостоятельный оборот (dativus absolutus):

(13) И отпевшимъ молебная и литургию превзвиромъ его служившимъ, и **покаявся онъ у духовного отца** своего, и причастия пречистаго тѣла... (ПЛДР, вып. 7, с. 568).

Только однажды встретился исследуемый оборот речи с формой причастия настоящего времени в постпозиции относительно главного предиката:

(14) ...Глагола к нему **парящи птица на аерѣ** (ПЛДР, вып. 2, с. 202).

В таком случае степень предикативности причастия ослаблена вследствие соседства с главным сказуемым, находящимся в препозиции к нему. Эта ослабленность обусловлена тем, что предикативность в предложении уже реализована глаголом-сказуемым, а причастие сообщает лишь дополнительную предикацию. Вместе с тем относящийся к причастному предикату второстепенный член, отделенный от причастия подлежащим, в определенной мере поддерживает ослабленную предикацию причастия. Малая предикативная сила причастия в данном случае подтверждается также путем применения к данной клаузе трансформационного метода. Она легко трансформируется в полное причастие или деепричастие.

Второстепенное сказуемое в анализируемой конструкции логико-интонационно выделено, что выражается частым употреблением после него частицы *же*. Значительно реже в указанной функции выступает частица *убо*, например:

(15) **Восприяв убо** от царя Пелея **Язонъ отплыти отпущение** новая проходит моря со Еракулумъ и со своими спутники (ПЛДР, вып. 6, с. 230). Характерной чертой приведенной причастной клаузы является отделение причастного сказуемого от подлежащего дополнением, что усиливает степень его предикативности вследствие большей его оторванности от главного сказуемого.

Подлежащее в таких оборотах речи обычно выражено либо именем собственным, либо личным местоимением, и в этом смысле они полностью изоморфны соответствующим конструкциям с финитной формой глагола на месте причастия.

Наиболее употребительной анализируемая клауза была в летописях, житиях, повестях, а также в переводных с греческого языка текстах. Р. Ружичка приводит примеры употребления причастий с подобным порядком слов из евангельских текстов на старославянском языке [Růžička, 1963].

Начиная с XV в., то есть с развитием в русском языке стилей [Колесов, 1989], эта конструкция закрепляется за высоким стилем. Со временем она перестала употребляться в прозаических текстах, в то время как в по-

эзии продолжала использоваться [Булаховский, 1958, с. 423]. Вплоть до XVII в. данная конструкция встречалась в церковнославянском языке, ориентированном на архаизацию. Вместе с тем подобный словоупотребление изредка имел место и в народной речи, свидетельством чему являются фольклорные тексты, в которых в данной конструкции стоит деепричастие на месте древнего причастия [Истрина, 1919, с. 79].

Нельзя исключать того, что проникновение указанной причастной конструкции в фольклорные произведения обусловлено влиянием церковнославянского языка, особенно при учете широкого распространения грамотности на Руси и обучения грамоте по Библии.

Конструкции с деепричастием встречаются в текстах Г. Котошихина, сочинениях Аввакума, а также в светских повестях XVII века. Ср.:

(16) **Помоля я бога**, взяв две сети в протоке перекидал (ПЛДР, вып. 11, с. 398).

В приведенном примере исследуемая конструкция выступает в качестве однородной со следующей конструкцией, имеющей непосредственную связь с финитной конструкцией, в то время как первая такой связи не имеет, вследствие чего ее предикативная сила значительно возрастает.

(17) **И видя князь те перстни**, завязал их в ту же тафтицу (ПЛДР, вып. 10, с. 347).

В приведенном примере с причастием в форме настоящего времени анализируемая конструкция непосредственно контактирует с главным предикатом. Данный факт обуславливает снижение ее предикативной силы.

(18) **И сведав царь у некоторого своего ближнего человека дочь**, дѣвицу добру ростом и красотой и разумом исполнену велѣлъ взяти к себѣ на двор (ПЛДР, вып. 11, с. 255–256).

Особенностью контекста (18) является то, что в анализируемой конструкции к причастному предикату относятся два дополнения, косвенное и прямое, причем последнее распространено приложением, вследствие чего степень предикативности причастия еще более усиливается.

В церковнославянском языке XVII в. данная структура анализируемой конструкции с деепричастием на месте причастия встречается весьма редко. В произведениях светской литературы она использовалась несколько чаще, хотя и была пережиточным явлением, что подтверждается как исследованным материалом, так и наблюдениями других ученых.

Наиболее часто указанная конструкция в XVII в. использовалась и в переводах светских художественных текстов, как правило с польского языка. В «Повести о Петре Златых Ключей» (ПЛДР, вып. 10, с. 323–379), например, она встретилась более 20 раз. Употребление данного оборота в светской литературе, видимо, обусловило его утрату в церковнославянских текстах, подвергшихся в XV в. архаизации. Причем даже из книжных вариантов предпочитался более редкий. Архаизаторские тенденции в церковнославянских текстах должны были бы стимулировать употребление в них анализируемой устаревшей конструкции. Однако этого не происходит, поскольку она употреблялась в светской литературе и даже в народной речи.

В текстах XVIII в., по мнению Л.А. Булаховского, употребление исследуемой конструкции объясняется влиянием французского герундия. Исчезновение в русском языке исследуемого оборота речи было связано с переходом причастий в деепричастия, которые, утратив непосредственную связь с подлежащим, перестали замыкаться с ним в одной конструкции, тяготея к глаголу-сказуемому. В результате, как показано Л.А. Булаховским, в предложении с деепричастием выработалось наиболее рациональное размещение лексем; связанные друг с другом члены располагаются как можно ближе относительно друг друга [Булаховский, 1958, с. 423]. Исчезновение исследуемой конструкции с подобным порядком следования членов свидетельствует о совершенствовании структуры простого предложения, обусловленном не только возникновением в языке новой категории, но и смешением стилей.

В аспекте актуального членения причастное сказуемое в анализируемой конструкции в качестве первой темы выносится в начало предложения, а второстепенный член, выступая в роли ремы, располагается в конце кон-

зы. Подлежащее обозначает данное и, как следует из собранного материала, выражается именем собственным или личным местоимением. Замещение причастием начала предложения в качестве первой темы полностью исключает возможное альтернативное актуальное членение в случае с обычным порядком следования элементов конструкции.

Параллельно с проанализированной выше причастной клаузой в древнерусском языке употреблялся и другой синтаксический оборот с причастием в вершине, предшествующим подлежащему, после которого следовало придаточное предложение, относящееся к причастному предикату, например:

(19) Видѣвъ же дьявол, яко почти богъ челоуѣка, позавидѣвъ ему, преобразися въ змию (ПЛДР, вып. 1, с. 102).

Степень предикативной силы причастия по причине его большей оторванности от глагола-сказуемого в подобных конструкциях возрастает в сравнении с проанализированными выше оборотами.

В редких случаях к причастному предикату могли относиться более громоздкие конструкции, увеличивающие разрыв между второстепенным сказуемым и центральным предикатом. Ср.:

(20) Видѣвъ воевода, яко ничтоже, киновию ратующе, успевают, яко ниже козными, ниже хитростями и умышлением, каковыми, ниже взяти возмогоша, но бездѣлни и посрамлени вспять отхождаху, отлагаетъ прочее надежду от киновии (ПЛДР, вып. 10, с. 169).

В приведенном примере второстепенное сказуемое разделено с главным конструкцией с подчинением и сочинением, включающей в свой состав три грамматические основы.

Такие обороты речи были характерны для всей многовековой истории русского языка, однако встречались необычайно редко и в дальнейшем были утрачены.

Заключение

Именное действительное причастие древнерусского языка, в отличие от современного деепричастия, характеризовалось большей предикативной силой, выступая в

функции второстепенного сказуемого. В односубъектных конструкциях данный факт выражался не только в том, что причастный предикат соединялся с глагольным посредством сочинительного союза, но и в особой структуре причастной клаузы, изоморфной структуре с глагольным сказуемым. Высокая предикативная сила причастия в указанной клаузе выражалась в особом порядке слов, в возможности согласования по смыслу с подлежащим – собирательным существительным, в отделении точкой от остальной части предложения. Хотя в сравнении с конструкциями, в которых причастие не имеет столь непосредственной связи с подлежащим, исследованный оборот речи употреблялся относительно редко, ему было свойственно конструктивное разнообразие. Ко второстепенному сказуемому могли относиться дополнения, обстоятельства, придаточные предложения, причем иногда таких распространителей могло быть несколько. Расстояние между исследованной причастной клаузой и главным сказуемым могло увеличиваться за счет употребления между ними придаточного предложения, а также более громоздких конструкций. Все это способствовало усилению предикативного веса второстепенного сказуемого.

Несмотря на то что причастная клауза с указанным порядком слов употреблялась в сочинениях протопопы Аввакума и Г. Котошихина, язык которых близок к народной речи, а также изредка использовалась в фольклорных произведениях, ее следует признать книжной, ибо она была наиболее характерна для житий, летописей, повестей, переводных текстов. Переход причастий в деепричастия и изменение стилей обусловили исчезновение исследованной клаузы.

Наличие такой клаузы убедительно свидетельствует о высокой предикативной силе причастия в односубъектных конструкциях, а следовательно, подкрепляется суждение о том, что синтаксические построения, включающие ее, были оригинальными явлениями древнерусского языка. Более того, есть все основания предполагать, что именно такого рода причастные клаузы послужили развитию на их основе именительных самостоятельных оборотов в древнерусском языке.

Именительные самостоятельные обороты, как и дательные самостоятельные, компенсировали неразвитость гипотаксиса в древнерусском языке, выражая зависимость отглагольной части предложения формой именного действительного причастия при своем особом подлежащем. Важнейшим условием их возникновения было далекое расположение глагольного и причастного предикатов при едином подлежащем, подобное расположение наблюдается в проанализированной клаузе.

Дальнейшие исследования древнерусских причастных конструкций следует вести по пути их сопоставления с деепричастными оборотами современного русского языка, а также определения случаев нарушения норм употребления современных деепричастий, возможно обусловленных функциональным и конструктивным многообразием древнерусских причастий, к которым они генетически восходят. Подобные исследования помогут ограничить объяснение некоторых периферийных деепричастных конструкций иноязычным влиянием, а также преодолеть заблуждение относительно перспектив развития абсолютных деепричастных оборотов в современном русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулхакова Л. Р., 2007. Категория деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Бахаева Л. М., Хабусиева Т. М., 2018. Теоретические предпосылки изучения деепричастия в русском языке // Русский язык. Филологический аспект. № 7 (39). С. 5–11.
- Безроднова О. М., 2009а. Деепричастия русского языка в контексте функционально-семантического поля таксиса и соответствия русским деепричастиям в немецком языке // Вестник Башкирского государственного университета. Т. 10, № 3. С. 432–436.
- Безроднова О. М., 2009б. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирского государственного университета. № 1. С. 87–91.
- Булаховский Л. А., 1958. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5-е, доп. и перераб. Киев : Радянська школа. 488 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М. : Высш. шк. 614 с.
- Гращенко П. В., 2014. К эволюции нефинитных форм глагола // Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. № 3. С. 34–54.
- Зорихина-Нильссон Н. В., 2014. АСТАЛИНГВИСТИКА РЕТРОПОЛИТАНА. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // Труды института лингвистических исследований. Т. 10, № 3. С. 273–298.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления 1 Новгородской летописи // Известия отделения русского языка и словесности. Пг. : [б. и.]. Кн. 2. С. 1–172.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 296 с.
- Корнилов Н. В., 2008. Критерии разграничения определяемого слова и приложения в аппозитивных сочетаниях // Русский язык в школе. № 5. С. 63–67.
- Кудрявский Д. Н., 1916. К истории русских деепричастий. Деепричастия прошедшего времени // Ученые записки Юрьевского университета. Т. 10. С. 1–79.
- Кудрявцева Т. Ю., 2012. Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–66.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 702 с.
- Кунавин Б. В., 2008. Причастные самостоятельные обороты в древнерусском языке. Владикавказ : Сев.-Осет. гос. ун-т. 104 с.
- Малахов А. С., 2008. О связи компонентов в аппозитивных сочетаниях // Русский язык в школе. № 5. С. 68–73.
- Никифоров С. Д., 1952. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М. : АН СССР. 344 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Руднев А. Г., 1959. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 174. 254 с.
- Семенова Н. В., 2002. Семантика таксиса. Концептуализация и категоризация. Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т. 265 с.
- Чупашева О. М., 2008. Грамматика русского деепричастия. Мурманск : Мурман. гос. пед. ун-т. 197 с.
- Шатух М. Г., 1958. Краткие действительные причастия и их синтаксические функции в письменных памятниках XI–XII вв. // Труды Одесского государственного университета им. И.И. Меч-

- никова. Серия филологических наук. Т. 148, вып. 8. С. 195–202.
- Cornilescu A., 2004. Gerund Clauses // Complementation in English. A Minimalist. Perspective. Bucharest : [s. n.]. URL: <http://ebooks.uniuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf>
- Curtius G., 1870. Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik. Zweite Auflage. Prag. : Verlag Von F. Tempsky. 224 S.
- Ferrand M., 1976. La phrase russe ancienne reconstruite ou le mythe du participe quasi autonome. Т. 1. Р. : [s. n.]. 282 p.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen // Revue des études slaves. Т. 55, fasc. 1. P. 43–55.
- Haspelmath M., 1995. The Converb as a Cross-Linguistically valid category // Converbs in Cross-Linguistic Perspective / ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 1–55.
- Kuehner R., 1904. Ausfuhrliche Grammatik der griechischen Sprache von Dr. Raphael Kuehner. 2 Teil. Satzlehre. 2 Band. Dritte Auflage in zwei Bänden. Neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth. Hannover ; Leipzig : [s. n.]. 714 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu častic i, a a pod. v konstrukciach participialnich vaseb s určitými slovesy // K historicko-srovnávacímu studioslovenských jazyku. Praha : [s. n.]. S. 83–107.
- Miklošič F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. 4 Band. Syntax. Wien : Braumüller. 895 S.
- Pires A., 2001. Clausal and TP-Defective Gerunds: Control Without Tense // Proceedings of NELS 31 / ed. by M. Kim, U. Strauss. Amherst : [s. n.]. P. 386–406.
- Reuland E. J., 1983. Governing -ing // Linguistic Inquiry. № 14. P. 101–136.
- Růžička R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanských konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1 // Sborník prací filosof. fak. Brnenske university. Ročník 8. Rady jazykovědne, vyd. A.7. S. 37–49.
- Zubaty I., 1954. K vykladu některých příslovci, zvláste slovenských // Studie a články. Svazek 2. S. 106–161.
- ва, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1978–1994. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 6. 1984. 768 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Abdulxakova L.R., 2007. *Kategoriya deeprichastiya v russkom yazyke* [The Gerunds Category in Russian]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet. 186 p.
- Baxaeva L.M., Xabusieva T. M., 2018. Teoreticheskie predposylki izucheniya deeprichastiya v russkom yazyke [Theoretical Prerequisites for the Study of the Gerunds in the Russian Language]. *Russkiy yazyk. Filologicheskiiy aspekt* [Russian Language. Philological Aspect], no. 7 (39), pp. 5-11.
- Bezrodnova O.M., 2009a. Deeprichastiya russkogo yazyka v kontekste funktsionalno-semanticheskogo polya taksisa i sootvetstviya russkim deeprichastiyam v nemetskom yazyke [The Gerunds of the Russian language in the Context of the Functional-Semantic Field of the Taxis and the Correspondence to the Russian Gerunds in the German Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], vol. 10, no. 3, pp. 432-436.
- Bezrodnova O.M., 2009b. Taksisnye znacheniya prichastiy russkogo yazyka [Taxisation Meanings of the Participles of the Russian Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University], no. 1, pp. 87-91.
- Bulaxovskiy L. A., 1958. *Istoricheskiiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. Kyiv, Radyanska shkola Publ. 488 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical Teaching About the Word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 614 p.
- Grashchenkov P.V., 2014. K evolyutsii infinitnykh form glagola [Towards the Evolution of the Infinite Forms of the Verb]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.A. Sholohova* [Moscow State University named after M.A. Sholokhov], no. 3, pp. 34-54.
- Zorikhina-Nilsson N.V., 2014. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Taksisnye deeprichastnye konstruktsii s glagolami standartnogo polozheniya v prostranstve v russkom yazyke [Taxis Adverbial Constructions with Verbs of Standard Position in Space in Russian.]. *Trudy*

ИСТОЧНИК

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси : [в 12 вып.] / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриев-

- instituta lingvistichestkikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research], vol. 10, no. 3, pp. 273-298.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskie yavleniya I Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of the 1st Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [Izvestia of the Department of Russian Language and Literature]. Petrograd, s.n., book 2, pp. 1-172.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturhiy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 296 p.
- Kornilov N.V., 2008. Kriterii razgranicheniya opredelyaemogo slova i prilozheniya v appozitivnykh sochetaniyakh [Criteria for Distinguishing Between the Defined Word and the Application in Appositive Combinations]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at school], no. 5, pp. 63-67.
- Kudryavskiy D.N., 1916. K istorii russkikh deeprichastiy. Deeprichastiya proshedshego vremeni [On the History of Russian Participles. Past Participles.]. *Uchenye zapiski Yurevskogo universiteta* [Scientific Notes Yurievsky University], vol. 10, pp. 1-79.
- Kudryavtseva T.Yu., 2012. Sintaksicheskaya funktsiya deeprichastiya s pozicij sovremennykh lingvistichestkikh vozzreniy [The Syntactic Function of the Gerunds from the Standpoint of Modern Linguistic Views]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication Series], no. 2, pp. 65-66.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktionalnoe razvitie sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2008. *Prichastnye samostoyatelnye oboroty v drevnerusskom yazyke* [Participatory Independent Turns in the Old Russian Language]. Vladikavkaz, Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet. 104 p.
- Malakhov A.S., 2008. O svyazi komponentov v appozitivnykh sochetaniyakh [About the Connection of Components in Appositive Combinations]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 5, pp. 68-73.
- Nikiforov S.D., 1952. *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pismennosti vtoroy poloviny XVI v.* [The Verb, Its Categories and Forms in the Russian Writing of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, AN SSSR. 344 p.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1-2* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1-2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536p.
- Rudnev A.G., 1959. Obosoblennye chleny predlozheniya v istorii russkogo yazyka [Separate Members of the Sentence in the History of the Russian Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named After A.I. Herzen], vol. 174. 254 p.
- Semenova N.V., 2002. *Semantika taksisa. Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya* [Taxis Semantics. Conceptualization and Categorization]. Veliky Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet. 265 p.
- Chupasheva O.M., 2008. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Russian Gerunds Grammar]. Murmansk, Murmanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 197 p.
- Shatukh M.G., 1958. Kratkie deystvitelnye prichastiya i ikh sintaksicheskie funktsii v pismennykh pamyatnikakh XI-XII vv. [Brief Real Participles and Their Syntactic Functions in Written Monuments of the 11-12th Centuries]. *Trudy Odesskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.I. Mechnikova. Seriya filologicheskikh nauk* [Proceedings of the Odessa State University. I.I. Mechnikov. Series of Philological Sciences], vol. 148, iss. 8, pp. 195-202.
- Cornilescu A., 2004. Gerund Clauses. *Complementation in English. A Minimalist. Perspective*. Bucharest, s.n. URL: <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf>
- Curtius G., 1870. *Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik*. Prag., Verlag Von F. Tempsky. 224 S.
- Ferrand M., 1976. *La phrase russe ancienne reconstruite ou le mythe du participe quasi autonome. T. 1*. Paris, s.n. 282 p.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. *Revue des études slaves*, T. 55, fasc. 1, pp. 43-55.
- Haspelmath M., 1995. The Converb as a Cross-Linguistically Valid Category. Haspelmath M., König E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, s.n., pp. 1-55.
- Kuehner R., 1904. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache von Dr. Raphael Kuehner. 2 Teil. Satzlehre. 2 Band. Dritte Auflage in zwei Bänden. In neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth*. Hanover, Leipzig, s.n. 714 S.

- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu částic i, a a pod. v konstrukcích participialních vases s určitými slovesy. *K historicko-srovnávacímu studiu slovenských jazyku*. Praha, s.n., s. 83-107.
- Miklošich F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. 4 Band. Syntax*. Vene, Braumüller. 895 S.
- Pires A., 2001. Clausal and TP-Defective Gerunds: Control Without Tense. Kim M., Strauss U., eds. *Proceedings of NELS 31*. Amherst, s.n., pp. 386-406.
- Reuland E.J., 1983. Governing -ing. *Linguistic Inquiry*, no. 14, pp. 101-136.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen*. Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanských konstrukcí participia praes. act. a praet. act. 1. *Sborník prací filosof. fak. Brněnské university. Ročník 8. Rady jazykovedne, vyd. A.7*, s. 37-49.
- Zubaty I., 1954. K vykladu některých přísloví, zvláště slovenských. *Studie a články. Svazek 2*, s. 106-161.

SOURCE

- Dmitriev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: v 12 vyp.* [Monuments of Literature of Ancient Russia. In 12 Iss.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978–1994. Iss. 1. 1978. 463 p.; iss. 2. 1980. 704 p.; iss. 3. 1981. 616 p.; iss. 6. 1984. 768 p.; iss. 7. 1985. 624 p.; iss. 8. 1986. 640 p.; iss. 10. 1988. 704 p.; iss. 11. 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, North Ossetian State University, Vatutina St, 46, 362025 Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, ул. Ватутина, 46, 362025 г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>